

Е. Н. Топтыгина
Москва, Россия

E. N. Toptygina
Moscow, Russia

**О КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОМ
СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**ON CONSTRUCTIVE-SYNTACTICAL
EXPRESSION
OF SUBJECTIVE MODALITY
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Статья посвящена субъективной модальности как текстообразующей и стилиобразующей категории. Показана важность использования модальных средств в публицистическом дискурсе. Анализируются функционально-синтаксические способы экспликации субъективно-модальных значений публицистического текста.

Abstract. The article is concentrated on one of the aspects of modality — the subjective modality, its functions as a textual category. The role of subjective-modal textual modifiers in formation of modal field of mass media text is shown.

Ключевые слова: публицистический дискурс; вопросительное предложение; субъективная модальность; допущение; предположение; сомнение.

Key words: mass media discourse; subjective modality; interrogative sentence; admission; assumption; challenge.

Сведения об авторе: Топтыгина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка.

About the author: Toptygina Elena Nikolaevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Modern Russian Language, Moscow State Regional University.

Место работы: Московский государственный областной университет.

Place of employment: Moscow State Regional University.

Контактная информация: г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д.21а, к. 105.
e-mail: toptygina@gmail.com.

Современное понимание субъективной модальности как текстообразующей и стилиобразующей категории требует обращения к вопросу о функциональном статусе субъективно-модальных модификаторов, их роли в создании модального поля текста и дискурса. Понимая дискурс как особую форму реализации языка, «коммуникативное событие», которое предполагает определенную цель, пути ее достижения, участников и результат [Кубрякова 2004: 528], будем рассматривать субъективно-модальные модификаторы как специализированные средства экспликации авторской интенции, помогающие адресату «расшифровать» то, что, на первый взгляд, остается за текстом и может быть не выражено в языковой форме. Разнообразные подходы к исследованию дискурса объединяются стремлением изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения [Макаров 2003: 18]. В связи с этим важным оказывается разграничение понятий «текст» и «дискурс», так как первый представляет собой абстрактную грамматическую структуру, формальную конструкцию и относится к языковой системе, а второй есть актуальное речевое действие, анализ которого предполагает учет ментальных процессов и экстралингвистических факторов. Существенным является соотнесение дискурса с говорящим и слушающим, а также с коммуникативным намерением говорящего воздействовать на слушающего [Бенвенист 1974: 51].

Каждый тип дискурса имеет собственную модель и рассчитан на определенную аудито-

рию, адресата. В то же время следует говорить о диалогичности как об «интеракциональности» дискурса, так как он всегда является формой общения людей, интенционален в силу того, что для его характеристики важны и исполнители, и получатели информации, различные по полу, возрасту, социальному и профессиональному статусу и т. д. [Кубрякова 2004: 529]. Публицистический дискурс отличается подчеркнутой диалогичностью, т. е. учетом фактора адресата (реального или воображаемого), стремлением воздействовать на его позицию. Этой ориентации соответствуют определенные языковые средства: политическая коммуникация — это «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11]. Массовый характер адресата и оперативность средств информации, сочетание объективного и субъективного аспектов в освещении происходящих событий формирует понятие публицистичности как ярко выраженной авторской позиции. Для публицистического текста важным оказывается выбор таких языковых средств, в том числе субъективно-модальных, и такая их активизация, которые смогут объективировать коммуникативное намерение говорящего. Сказанное обуславливает такие специфические черты политического дискурса, как побудительность,

экспрессивность, новизна выражений, оценочность, полемичность, призывность, в основе которых лежит субъективное отношение автора речи к содержанию высказывания [Синепупова 2006: 11].

Адресант публицистического дискурса выступает активным и активизирующим началом диалога: от его информационной осведомленности, искусства убеждения и аргументации, нацеленности на адресата зависит реакция последнего, адекватное понимание им предмета речи, согласие или несогласие с точкой зрения автора. Наиболее яркий маркер диалогичности — вопросительное предложение, которое не только придает повествованию живой характер, но и выполняет функции, характерные для обычного диалога, т. е. требует вербального ответа, заключает информацию, не известную адресату речи. Так, собственно вопросительные предложения выступают частью приема коммуникации [Стернин 2008: 82], предполагающего вопрос и автокомментирование, при этом вопрос может быть направлен на выяснение ситуации в целом или какой-либо одной из ее сторон, например: *Гречка, которая входит в список, в некоторых регионах подскочила в цене в 2-3 раза. Почему же власть не вмешалась? Минэкономразвития заявило, что не видит причин для регулирования цен. А вот эксперты говорят, что воспользоваться механизмом регулирования цен чиновникам было бы сложно, даже имея они такое желание — вопросительная конструкция фиксирует внимание на истинных причинах описываемых событий, противопоставляя их мнимым. Сами фермеры настоятельно рекомендуют горожанам по возможности запастись на зиму как можно обстоятельнее, под полную завязку. Если некондиционный картофель в октябре-ноябре пойдет по 25 руб. за килограмм, то сколько он будет стоить в декабре-феврале? 100-150 рубчиков!* — вопросительное предложение заставляет читателя задуматься о неизбежном росте цен и в то же время сближается с риторическим высказыванием, так как выражает возмущение, негодование говорящего. *Как вы думаете, чего катастрофически не хватает в нашей жизни? Почему мы боимся выходить на улицу в темное время суток, боимся открыть дверь незнакомому человеку, почему растет количество железных дверей и уменьшается число счастливых браков? Нам не хватает любви. Любви к окружающим людям, природе, к своему времени, наконец — нанизывание вопросов побуждает читателя к размышлению, поиску решения сложных жизненных проблем.*

Альтернативные вопросы, предполагающие необходимость сделать в ответе выбор, подтверждение или отрицание, заостряют характер поставленной проблемы, обнаруживают движение авторской мысли, фиксируют внимание реципиента на коммуникативно значимом компо-

ненте высказывания, маркируемом вопросительной частицей *ли*: **Но можно ли ставить знак равенства между западной формой демократии эпохи модернити и демократией вообще? Если прав Чарльз Тили, определивший демократию как „взаимно обязывающий и безопасный диалог власти и общества“, то это не так —** вопросительная конструкция с *ли* заранее готовит, подталкивает читателя к отрицательному ответу. Подобные конструкции в публицистическом тексте типичны: в роли первого компонента выступает вопрос с *ли*, в роли второго — отрицательный ответ, например: *Часто бывает так, что мы начинаем изучать английский в школе, затем в институте... И каков результат? До владения английским, до общения на нем доходят лишь единицы. Так в продолжительности ли занятий дело? Думается, что нет* — использование названной схемы удовлетворяет требованиям публицистичности, так как воздействует на эмоционально-волевую сферу адресата речи, способствует принятию им точки зрения автора.

Употребление в публицистике вопросно-ответного комплекса не случайно: во-первых, оно связано с отсроченным характером коммуникации, дистантным характером диалога, во-вторых, прогнозирует и предвосхищает реакцию адресата, поддерживает его внимание. Такой прием способствует полемическому развертыванию темы, в процессе которого автор вместе с читателем пытается найти ответы на актуальные вопросы, выделить наиболее важную информацию. О таком поведении автора публицистического текста мы говорим как об экстравертированном: *Допустим, на этот раз удастся пятую часть служащих уволить... Станем ли мы лучше жить? По этому поводу есть сомнения. Кто и как считал, что полтора миллиона — это слишком много? Министр финансов. С точки зрения главы финведомства, все правильно.... А с точки зрения соответствия чиновников масштабам и численности функций, полезных обществу в целом и отдельным гражданам? Как ни ткнешься в присутственное место, чтобы получить нужную справку, так сразу становится ясно: там, где они нужны, чиновников не хватает...* — вопросительные конструкции маркируют ключевые моменты рассуждений, формируют логику изложения мысли. **А что такое английский выучить? Уметь читать со словарем? Это не знание. Читать, понимать на слух, писать? Мало-мало. Если вы не можете пообщаться с кем-то, кто обращается к вам на этом языке, вряд ли вы сами будете ощущать, что владеете английским** — вопросно-ответная форма изложения заостряет полемический характер воображаемого диалога.

Если автор ставит целью обозначить актуальную проблему и побудить реципиента к са-

мостоятельным размышлениям и выводам, автокомментарий (т. е. ответ на вопрос) может отсутствовать: *Никто не будет спорить, что сельское поселение Ершовское одно из самых спортивных в нашем районе. Здесь активно работают секции по гимнастике, футболу, лыжам, единоборствам, которые посещают сотни мальчишек и девчонок. Некоторые из них — чемпионы района и области. Ну а как быть остальным? И не только молодежи, а тем, кто постарше? В стране продолжается процесс сокращения сельских школ. Сообщения региональных новостей на этой неделе звучат как сводки с боев... Так, значит, все-таки ликвидация? А как же... жизнь на селе, за которую бьются оппоненты партии власти?* Несобственно-вопросительная форма создает в данном случае иллюзию непосредственного общения, имеет яркую субъективную направленность — фиксирует разочарование говорящего деятельностью властных структур, его грустные размышления, нежелание мириться с безысходностью окружающей действительности. Можно говорить о риторическом высказывании как о ярком средстве создания субъективности публицистического дискурса [Канафьева 2005: 81], которое вызывает соответствующую реакцию собеседника, создает яркий спектр субъективно-модальных значений, в частности следующих:

– ирония: *Многочисленные памятники учителю поставят в Липецке, Санкт-Петербурге и других городах. По сведениям местной прессы, памятники порадут неожиданными творческими решениями. Например, учитель будет выпускать из рук не голубей, а учеников... (видимо, с крылышками?);*

– скрытая неудовлетворенность: *Теперь сделали сайты для публичного ознакомления с будущими новыми героями. Так чего же этим вечно недовольным все-таки надо?;*

– удивление + недоверие: *Но проблема-то осталась. Кто только не пытался разработать удобный небольшой перевозчик! ... Американцы вложили в разработку сверхзвукового аэротакси 2 млрд долларов — и все без толку. Неужели наши снова переплюнули всех и решили проблему?;*

– недоумение: *...когда сейчас мне, владельцу маленькой Mazda-2, пришлось приглашать ГИБДД для получения справки об ущербе, нанесенном мне неизвестным злоумышленником, милицейский старлей, оглядев царапины на лакированном бампере моей „малышки“, снисходительно поучал меня — «это не автомашина». Какая же автомашина нужна москвичу?;*

– предположение-размышление: *Без вести пропавший — это человек, исчезнувший внезапно, без видимых причин. Его местонахождение и судьба неизвестны. А утратившие связь — это родственники, супруги, отказавшиеся или не желающие поддерживать род-*

ственные или брачные отношения. Одно дело если причиной этого стали внутрисемейные обиды. А если человек психически болен? Или уехал, опасаясь давления криминальных структур?

Использование цепочечных вопросов усиливает диалогизацию, создает эмоциональную напряженность абзаца и текста в целом: *В общем, задумались участники спонтанного обсуждения, нужен ли конкурс вообще? Системе — да! А учителю? Тому, который оказался участником? Или тому, который никогда участвовать в нем не будет, потому что не знает, как туда попасть. Или тому, который придет потом посмотреть открытый урок „лучшего“, „победителя“, „лауреата“? Нужен ли он школе? Региону? Стране? Ученикам? Родителям? А судьи кто? Вот такое, собственно, обсуждение... —* вопросительная форма способствует экспликации модального значения сомнения в целесообразности совершения действия. *Честно говоря, с наружной стороны окна все выглядит гораздо проще. Ну, в самом деле, что сложного в том, чтобы принять эту пачку бумаг, выдать расписку и сказать, когда прийти за нужным документом? Чем там эти мальчики и девочки вообще занимаются?* — вопросительные предложения усиливают возмущение, недовольство субъекта речи. *Он [организм] сам себе доктор: улучшается кровообращение, нормализуется давление; головные боли и простудные заболевания не посещают так часто, как это было до занятий. А почему, собственно, так происходит? Это магия какая-то? Значит, чтобы повысить свой иммунитет и избавиться себя от депрессий к осенне-зимнему сезону, нужно просто вместе с витаминами принимать одно занятие по вокалу?* — вопросительный ряд эксплицирует модальное значение предположения-догадки. В ряде случаев риторическое высказывание задает модальную тональность заголовков, обычно выражающих позицию автора речи в отношении поставленной в тексте проблемы: заголовок — так называемая «сильная, привлекающая максимальное внимание читателя» позиция в тексте [Чудинов 2003: 125]. Приведем примеры: *А был ли контрафакт?* — сомнение; *Туалеты — для своих?* — недоумение; *Шире ассортимент — шире карман?* — сомнение-размышление, *Пение лечит!???* — удивление.

Созданию диалогичности, эмоциональной напряженности публицистического текста служит использование полемической формулы допустим...но, реализующей модальную семантику уступительного допущения. Употребляя данную синтаксическую формулу, говорящий сознательно делает уступку, соглашается с каким-либо мнением, вынужденно мирится с чем-либо, пусть даже нежелательным, неприемле-

мым для него, говорящего, с целью убедить собеседника в противоположном, в обратном, в том, в чем он сам основательно убежден: *Кстати, сами функции базовой школы тоже могут варьироваться. Допустим, рассказали на совещании, подвозить сюда детей можно не каждый день и не на каждое занятие. А только на лабораторные. А на месте со школьниками могут вести занятия „многопрофильные“ учителя. Хорошо бы! Вот только сами учителя почему-то возражают против такой многостаночности. Универсализм профессии учителя оборачивается для многих формальным знанием „по верхам“.* Часть, содержащая противопоставление, отражает истинные взгляды говорящего, его отношение к проблеме (не случайно использование усилительных частиц *вот только*, лексических единиц с отрицательной оценочностью — *многостаночность, по верхам*).

В упрощенном виде схема допущения-уступки выглядит так: «я соглашаюсь с воображаемым или реальным собеседником, понимаю и принимаю его точку зрения, но только затем, чтобы переубедить его, поколебать его убеждения, заставить размышлять». В роли экспликатора допущения-уступки может выступать вводный компонент *конечно*, усиливающий риторический эффект формулы. В рамках контекста данный персуазив теряет значение подчеркнутой уверенности и развивает модально-эмоциональную семантику:

– возмущения: *Конечно, позвать из-за рубежа специалистов можно, и послать на стажировку за рубеж талантливую молодежь тоже можно и нужно. Но „на повлю счастья и чинов“ в основном откликнутся и приедут люди авантюрного склада, кто не нашел себя в зарубежной жизни. А инженеры точно не поедут...;*

– осуждения: *В 2008 году в СИЗО умерли 276 человек, в 2009-м — 233. Конечно, в этом документе указано, что это произошло от различных заболеваний, но для общественности давно не является секретом, что многие даже не слишком тяжелые болезни имеют тенденцию обостряться после того, как гражданин подвергся в СИЗО интенсивным допросам;*

– сожаления: *Конечно, невозможно не порадоваться за Веру Звонареву, которая в этом сезоне едва не покорила два турнира Большого шлема подряд. Но как же обидно, что ни на Уимблдоне-2010, ни сейчас на US OPEN ей,*

видимо, в силу усталости, так и не удалось навязать борьбу в решающих матчах...

Подводя итог, отметим, что вопросительное предложение и полемическая формула *допустим... но* в роли текстовых маркеров диалогичности относятся к функционально-синтаксическими способам создания субъективной модальности публицистического дискурса. Выступая в единстве с контекстуальным окружением, они выполняют как конструирующую функцию, фиксируя внимание читателя на наиболее значимых отрезках текста, так и собственно модальную функцию, эксплицируя разнообразные субъективно-оценочные значения. Разумеется, реализация названных функций обусловлена коммуникативными целями автора речи: воздействовать на сознание и позицию читателя, поддерживать его внимание и интерес к теме, включать в воображаемый диалог.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.

Канафьева А. В. Вопросительно-риторическое предложение в системе функциональных типов русского предложения // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект / ВГПУ. — Владимир, 2005. — С. 80—82.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.

Синепупова О. С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГОУ. — М., 2006.

Стернин И. А. Практическая риторика. — М.: Академия, 2008.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / УрГПУ. — Екатеринбург, 2003.

ИСТОЧНИКИ

Аргументы и факты. 2010. № 35 (01—07.09).

Известия. 2010. № 167 (09.09).

Московский комсомолец. 2010. № 203 (15.09).

Независимая газета. 2010. № 8 (14.09).

Сокрытое сокровище : ежемес. христианская газета. 2010. № 21, нояб.

Я + город : молодежная газета. — Лыткарино. 2010. 27.12.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева